

Армен Сардаров

Руины

как архитектурно-художественное явление

Формирование архитектурной среды происходит на протяжении более 6000 лет*. Строительный процесс как форма социально-экономического цивилизованного развития носит характер цикличности: начало, расцвет, упадок. Но даже с исчезновением той или иной исторической цивилизации остаются зримые ее следы в виде фрагментов построек, руин жилищ, дворцов, крепостей (ruina (лат.) – развалина).

Люди не сразу научились ценить материальные следы прошлого. Собственно, такое отношение можно считать частью цивилизационного развития – оно проявилось тогда, когда у людей постепенно стал зарождаться **интерес к истории**, т.е. пришло понимание важности временного фактора в жизни одного человека и человеческих сообществ в целом. Эти процессы, безусловно, стали одной из важных составляющих духовно-интеллектуального развития человечества, что отразилось, в частности, в первых памятниках мысли – религиозных книгах: “Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов, спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе” (Второзаконие. 32, 7) или: “Размышляй о приходящем и уходящем, пусть размышления, как друзья, следуют за твоими мыслями” (Древнекитайская книга перемен. VII в. до н. э.) [1].

Эти философски-нравственные раздумья о прошлом, включенные в религиозные системы, неизбежно приводили людей к осознанию ценности минувшего времени, его видимых знаков, запечатленных символов – даже в мифологической форме: “Хранимые преданием мифы нельзя разрушать” (Аристотель. Поэтика. 14).

Великие литературные произведения античности, например поэмы Гомера “Илиада” и “Одиссея”, – великолепные исторические сочинения, тщательно и последовательно воспроизводящие хронологию событий и намеренно восхищающие читателя именно героизацией, **идеализацией прошлого**.

Прошедшее воспринимается многими цивилизациями как некий утраченный идеал и даже иногда противопо-

Римский Форум. Современный вид

*Датировка условная. За отправную точку может быть принято строительство древнешумерских городов.

К. Лоррен. Вид на Дельфы с процессией. 1650 г.

но в изучении археологических памятников и руин Древнего Рима, т.е. тех материальных образов, которые сохранились от великой архитектуры прошлого: "не было нигде ни одного хоть сколько-нибудь прославленного произведения древних, в котором я не стал бы тотчас доискиваться, нельзя ли чему научиться" [2].

Интерес к минувшим дням затронул в XVII в. не только архитекторов, но и европейских живописцев. Знаки уходящего времени в виде руин используются двумя выдающимися французскими живописцами Никола Пуссоном и Клодом Лорреном. Последний, так же как и Л.Б. Альберти, восторгается руинами римского Форума в своей работе "Кампо Ваччино".

Именно эти художники повлияли впоследствии на английское искусство XVIII в. – литературу и живопись, воспринявшие художественное осмысление "минувших дней" как источник поэтического и художественного вдохновения. Замечательный английский (шотландский) поэт Дж. Макферсон в своем цикле об Оссиане писал о "седых камнях" – памятниках, поставленных героям прошлого.

"Художественный климат эпохи" (по выражению Д.С. Лихачева) XVIII в. дал толчок развитию теории и практики романтической парковой архитектуры – тому, что впоследствии было на-

М. Пшицкий. Античный пейзаж. XVIII в.

ставляется неопределенному будущему: "Кто бросил прошлое и, глупый, цепляется за будущее, будет того презирать весь мир" (Махабхарата. 224, 14–16).

Процесс углубления в историю со временем принимает также и архитектурно-археологическую форму. Люди начинают интересоваться прошлым через открытие памятников древности, артефактов, занимаются их изучением, собиранием предметов старины и их музеефикацией.

В европейской культуре такой интерес к прошлому особенно ярко проявился в период Ренессанса, когда само понятие прекрасного пришло через возвращение в культурный контекст исторических образов, в том числе через изучение и идеализацию архитектурных памятников Греции и Рима. Теоретик архитектуры XV в. Филарете писал о том, что он приветствует каждого, кто "предан в зодчестве древнему способу строить".

Сам Леон Баттиста Альберти, автор прославленных десяти книг "О зодчестве", искал архитектурные идеалы имен-

Лестница в древнем храме "CHION – IN". Киото, Япония

звано "английский, или пейзажный, стиль". Здесь архитектурные руины становятся не просто случайным элементом парковых пейзажей, но специально продуманными центрами художественных ландшафтных композиций, которые должны были настраивать зрителей на философские размышления, вызывать чувства ностальгии и светлой печали (nostalgia – от греч. nostos – возвращение домой и algos – страдание, боль). Эстетика архитектурных руин, в частности в виде фрагментов античных или замково-крепостных образов, прочно вошла в европейскую парковую архитектуру XVIII – первой половины XIX в.

Восхищение и любование объектами прошлого особенно были свойственны традиционному китайскому и японскому искусству. Философские тече-

Н. Орда. Руины замка Крево. XIX в.

Замок в Смолянах. Руины башни

Панский дом в Заозерье. Оршанский р-н, Витебская обл.

ния буддизма – чань (в Китае) и дзэн (в Японии) проповедовали созерцание и размышление как идеальную форму человеческого существования. Китайский теоретик и художник XVII в. Дун Цичан (творивший в том же столетии, что Н. Пуссен и К. Лоррен) отмечал, что "...радость встречи с древним способна смягчить ожесточившийся дух и укрепить размягчившееся сердце" [3]. Он же призывал созерцать "старинные вещи" как средство, приносящее физическое здоровье человеку.

Особое художественно-философское осмысление прошлого, старины царит в традиционном японском искусстве. Здесь используется принцип

Лестница в старой белорусской усадьбе Опса. Браславский р-н, Витебская обл.

“саби” (патина) – способ передачи течения времени в художественном произведении. Выдающиеся поэты Японии Сайге и Басе удивительно тонко воспроизвели эти чувства в своих знаменитых танка и хайку – пяти- и трехстишиях:

Невольн душе мила
обветшалая эта застреха.
Рядом слива цветет.
Я понял сердце того,
кто раньше жил в этом доме.

Сайге, XVII в.

Как известно, эстетика китайского и японского искусства повлияла на искусство Европы XIX–XX вв. В середине XIX в. французский поэт Теофиль Готье с удивлением писал о непонимании очарования прошлым, которое он встречал во время путешествия по России: “...русские... думают, что проявляют уважение к памятнику, обновляя окраску его стен, как только она облупится или потрескается”. “Необходимо уметь ценить следы веков, оставленные на эпидермисе храмов”, – говорил он [4].

В законченном виде теория естественности и правдивости в искусстве через передачу “духа времени” была сформулирована выдающимся английским теоретиком и практиком искусств Уильямом Моррисом: “нетрону-

тая поверхность древнего здания запечатлевает развитие человеческих идей, непрерывность истории и, таким образом, становится поучительной” [5].

Дух романтизма с его восхищением прошлым входит и в белорусское искусство. Адам Мицкевич в своей поэзии неоднократно обращается к былому:

Может быть, мысль и твоя устремится,
Пусть на мгновенье хотя бы,
К былому – к сорным травинкам
в щелях
Черепицы старого, старого дома

“Дяды”

Руины – “образ прошлого” – возникают в парках магнатских и шляхетских *маёнткау*, они притягивают таких замечательных художников, как Маврикий Пчицкий (XVIII в.), Йозеф Пешка, Наполеон Орда (XIX в.), которые в своих рисунках передают образы былой славы и величия.

Современное состояние белорусского историко-архитектурного наследия говорит о том, что значительная часть памятников находится в частично или полностью разрушенном состоянии. Проблемой является то, что у определенной части общества (в том числе нередко в органах управления культурой)

бытует мнение, что это “беспорядок, беспхозяйственность”, которые необходимо устранить. В действительности реставрация – только один из способов “продления жизни памятнику в культурном аспекте” [6]. Некоторые памятники могут существовать в виде охраняемых руин, которые сами по себе обладают мощным духовно-нравственным потенциалом и представляют из себя зримый “образ времени”.

Сохранение руин прежде всего через консервацию дает необходимую возможность продления их физической и духовной жизни. Еще более важным является включение руинированного памятника в архитектурную среду. Это наиболее эффективно может быть сделано в старых *сядзбах*, *дварах*, *маёнтках*, где фрагменты построек часто включены в остатки парков. В этом случае сами принципы пейзажной, ландшафтной архитектуры позволяют создать вокруг руин особую художественно-архитектурную среду, которая станет объектом туристского интереса.

Более сложное отношение к сакральной архитектуре, где существует мощная тенденция к “реставрации”, “реконструкции”, “реновации”, “модернизации” храмов (эти терминологические названия приводятся потому, что именно так, без четких критериев, используются в реальном современном реставрационном процессе. – *Прим. авт.*). Стремление вернуть храмы как можно скорее к своей основной, сакральной функции иногда приводит к значительным художественно-эстетическим утратам, что, по сути, в более долгосрочном глубоком смысле называется на отношении к Вере как символу Вечного в традициях нашего народа. Храмы обретают “евроремонты”, а это не позволяет духовно включать их в ту “связь времен”, которая и воплощает в себе культурные традиции.

Ностальгия, память о прошлом нужны нам сегодня не как элемент экзотики или развлечения, а как истинная зримая правда о минувших днях, воплощенная в эстетике архитектурных руин и необходимая для нашего духовного развития.

Фото 1, 2, 4, 7, 8, 9 – автора статьи.

Литература

1. История китайской философии. – М.: Прогресс, 1989. – С. 25.
2. Альберти, Л.Б. – М.: Наука, 1977. – С. 152.
3. Китай: Энциклопедия любви (сост. В. Малявин). – М.: Астрель, АСТ, 2003. – С. 53.
4. Готье, Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1998. – С. 235.
5. Моррис, У. Искусство и жизнь. – М.: Искусство, 1973. – С. 405.
6. Лихачев, Д.С. Поэзия садов. – Л.: Наука, 1982. – С. 339.